

АВТОГРАФ НА РЕЙХСТАГЕ

Окончание
Начало в № 91-92.

В зоне поражения предутреннего залпа наших «Катюш» колонна остановилась: перекур — десять минут. Было понятно, что знакомство воинов с результатами их труда — отработанный психологический прием с подачи командования...

Перед солдатами дымилось бескрайнее поле, засеянное сотнями на куски растерзанных трупов. Догорали искореженные танки, орудия, остовы автомашин...

— Картина более чем страшная, — вспоминает Павлов. — Говорят, здесь стояла в обороне мадыарская дивизия. На перекошенной башне порушенного танка — окровавленная голова лошади. В широко открытых глазах страх и укор людям: «Вас на земле мир не берет. Но за что же вы нас, животных, казните?»

Солдаты глубоко затягивались табачным дымом. Курили все, даже некурящие. Прозвучала команда: «По машинам!».

Дивизия, в которую входили дивизионы 32-й тяжелой минометной бригады, стремительно двигалась на Запад. Освобождена значительная часть Киевской области, города Фастов, Белая Церковь.

Наступление наших войск было столь стремительным, что в Белую Церковь ворвались перед самым боем кремлевских курантов. Немцы накрыли богатые новогодние столы, даже шапс по стаканам разлили. А новый, сорок четвертый год отмечали за этими столами Павлов и его товарищи по оружию.

При нынешней беседе с Иваном Михайловичем коснулся деликатного вопроса:

— Некоторые бывалые фронтовики-пехотинцы о вас, «катиошниках», отзываются, мягко говоря, нелестно. Говорят, что в зачехленных машинах вы, как элита, даже немца живого не видели. Дадите залп — и с глаз вражеских долой.

— Да, после произведенного залпа нам необходимо было менять позицию. Инструкция. Немец уж очень упорно охотился за нашими установками вместе с начинкой. Ну а насчет того, что немца живого не видели — неправда. Вот послушайте. В середине марта сорок четвертого окружили город Тернополь. Сильный немецкий гарнизон отчаянно сражается две недели. Город штурмуют со всех сторон. В этом жестоком сражении бились и воины нашей бригады. С боем брали каждый дом. Случалось, в одном подъезде наши, в другом — немцы. И та, и другая сторона несли

потери. Однажды наш повар привез обед, а мы как раз соседний дом «подчищали». Он бросился помогать нам и погиб. Дом взяли и тут же помянули повара приготовленным им обедом. Десятого апреля Тернополь был полностью освобожден. Нашей 32-й бригаде «Катюш» было присвоено почетное наименование «Тернопольская».

В составе своей бригады Павлов освобождал Польшу. Затем их боевые соединения двинули в карпаты для прорыва немецкой обороны на Чешско-Польской границе.

Ранним сентябрьским утром дивизион под командованием капитана Жаденова рассредоточился на склоне горы у лесной опушки. Далеко внизу туман по ложине стелется, видимо, вдоль речки. А так видимость хорошая. Капитан собрал командиров батареи.

— По данным разведки, перед нами нет крупных скоплений живой силы и техники противника, — начал он. — Но там, внизу, по горным дорогам передвигаются резервы немцев. Надо помочь им отправиться к праотцам.

Жаденов обладал добрым, тонким юмором.

— Сколько, вы думаете, стоит один наш снаряд?

Молчат командиры.

— Стоит наш питомец пары хороших хромовых сапог.

— Ну и что? — спрашивает один из командиров.

— А то, дорогой товарищ, что я вот уже четвертый год воюю, а таковых не завел. В кирзачах Родину защищаю.

Кажется, поняли командиры, к чему капитан клонит — экономить снаряды надо, и чтобы каждый — в цель.

«Катюши» заняли исходные позиции.

Чуть ниже по склону в небольшом окопчике младший сержант Павлов и сержант Петров в стереотрубу высматривали цели и корректировали по радиации огонь батарей. Вот только что у автоколонны с живой силой противника отсекли голову и хвост. Потом повергли в прах десятка два автомашин. Где-то уж к обеду у самого бруствера наблюдательного окопчика рванул тяжелый снаряд. Петрова убило, Павлова засыпало. Раскопали. Пульс еле прощупывается, в сознание не приходит. Отправили в медсанбат. Диагноз — тяжелая контузия. Пришел в себя. Безбожно заикается. Врач сказал: «Гуляй пока на свежем воздухе». В натальном белье, в сапогах на босу ногу бродит Иван Михайлович вокруг палаток, будто привидение. Прошла неделя. С батареей привезли раненых. Павлова увидел знакомый шофер:

— Бежим отсюда, Ванюшка. Дивизион наш со дня на день уходит, не догонишь потом.

Большой разволновался, на одеяние свое показывает: мол, одет не по форме.

— Есть у меня комплект в машине, поехали!

За побег из медсанбата капитан Жаденов младшего сержанта выругал.

— Ты что же, думаешь, у немца

патроны кончатся и на тебя не хватят?

Потом подобрел: «Ладно, иди войной, Иван Павлов».

В феврале сорок пятого дивизионы 32-й бригады реактивной артиллерии вошли в Германию. Не по приглашению и не через парадные ворота. Путь к фашистскому логову прорубили огнем. Павлов и его сослуживцы были свидетелями огненного залпа целой ракетной дивизии. Кто-то из солдат заметил: «Вон сколько хромовых сапог немцам на головы улетело, целую дивизию обуть можно. Помните беседу капитана Жаденова с командирами батареи о цене снаряда? Сам же он до сих пор в кирзачах воюет...».

Иван Михайлович Павлов — участник штурма Берлина. Вот только один эпизод. В одном из небольших домов на верхнем этаже засели фашисты. Они огрызались из всех видов оружия, включая минометы. Младшему сержанту Павлову с группой солдат было приказано уничтожить очаг сопротивления.

Воины по двое в связке взвалили на плечи тяжелые стокилограммовые снаряды, ринулись в подъезд соседнего дома, что напротив мятежного. По покореженным лестничным маршам с трудом добрались до верхнего этажа. Снаряды установили в оконных проемах на подоконниках. Нацелили на верхний этаж соседнего дома, где засели немцы. Всю операцию готовили ползком по исковерканному полу. Подымеешь — будешь на мушке у снайпера. Павлов подсоединил провода взрывных устройств и дал команду: «Всем в укрытие!» Пауза и еще команда: «Пуск!» Гром и грохот потрясли улицу, дома. Когда облако пыли и копоти рассеялось, стало видно, что приказ командира выполнен четко. Мятажный дом стал этажом ниже. За эту операцию Иван Михайлович отмечен медалью «За отвагу».

— Вечером первого мая у рейхстага был наш праздник, — рассказывает Павлов. — На вытянутых руках мы высоко подняли нашего маляра-художника. Темной краской он начертил на серой стене: «Мы с Урала!» А внизу нацарапал: «Иван Павлов с Урала!»

Второго мая 32-я бригада реактивной артиллерии двинулась на помощь осажденной Праге. А одиннадцатого мая сорок пятого командир батареи «Катюш» Иван Михайлович Павлов дал залп по вражеской группировке западнее Праги. Это был его заключительный боевой аккорд в Великой Отечественной войне.

3. По жизни — с чистой совестью

Когда Ивана Павлова провожали из родного дома на фронт, отец на прощание сказал всего несколько слов:

— Служи, сынок, честно, совестью своей не марай!

Обиделся тогда Павлов-младший на папашу своего.

— Да как же так, — горько размышлял он, — ведь родитель мой человек вроде бы мудрый, две войны прошел, награды за храбрость

имеет. А путного на прощание ничего не сказал. Например, где служить сподручнее, как вести себя с командирами, как от пули увернуться.

Только на фронте обида на папашу стала потихоньку угасать. Стало доходить до Ивана Павлова, что важная все-таки деталь в человеке — совесть. Если не главная.

Ребята рассказывали: в одной из соседних частей отделению саперов поставили задачу — проверить один из маршрутов разведчиков на наличие мин. Через определенное время командир отделения доложил, что мин нет. Пошла этим маршрутом разведгруппа да и подорвалась. Несколько молодых солдат погибли. Офицера группы саперов за дезинформацию отдали под суд, а ребят разве воскресить? Дорого приходится платить людям за нечистую совесть...

После Победы Павлов долго еще исполнял свой воинский долг. Неслужбу в Германии, Чехословакии, Австрии, Венгрии. Дослуживал в Средней Азии, дольше всего в городе Термез на Афганской границе.

Пора было подумать о гражданской, мирной жизни. Характером Иван Михайлович, видимо, в отца. Легковесных решений не принимал, а уж если засядет мечта в голову — не отступал. Еще на Родине, у Синего Камня, был он твердо настроен после десятилетки поступать в Магнитогорский горно-металлургический институт. Война помешала.

После окончания средней школы уж восемь лет прошло. Многие забылось.

— А что, как провалюсь на экзамене? — размышлял он.

Пошел к командиру полка и получил разрешение пойти в десятый класс вечерней школы. Друзья на смех подняли. Один из них даже посоветовал: «Уж начинать, так с первого класса». Зато бывалый старшина при высоких орденах не на шутку обозлился: «Да ты кто же, Иван, фронтовик или баба рязанская? Тебя и так без экзаменов должны принять». А фронтовик знай себе улыбается. По второму кругу закончил Павлов среднюю школу с золотой медалью.

В июле пятидесятого Иван Михайлович демобилизовался и вернулся на родину в родительский дом. Вечером вся родня собралась, отметили возвращение воина со службы. Утром прошелся служивый по до боли родным улочкам да переулком Сыртинки. Долго стоял у старенькой школы, где когда-то постигал науку жизни. Не удержался, сходил к Синему Камню...

Вечером мать со слезами на глазах попросила сына: «Не ходи ты часто по улицам. Глядя на тебя здорового, плачут матери дружок твоих, на войне погибших».

Прошелся Иван Михайлович по колхозным полям, где дружно колосилась пшеница. Узнавал солдат места, где пахал, сеял, убирал хлеб. Все зависело от урожая. А они чередовались: то густо, то пусто. Что-то не до конца продумано в этой колхозной системе. Так вот размышлял бывший труженик сельской нивы, обводя взором своим бескрайнее хлебное поле.

Вспомнил эпизод из пребывания в далекой Германии. Уж после войны Павлов с группой солдат были на постое у старого бауэра. В первую империалистическую хозяйин теперешнего фольварка был в русском плену. Сын погиб под Москвой уже в эту войну. За ужином на ломаном русском стал поносить самыми последними словами Гитлера за то, что воину с Россией развязал, не думая о народе. Потом старик перебивал косточки Сталину... за колхозы. Уж очень боялся старый немец, что на его землях колхоз организуют.

Осенью Павлов поступил в институт на металлургический факультет — прокатное отделение. В поселке возле горбольницы купили дом. Родители перебрались в город. В большущем огороде Иван Михайло-

вич имел возможность закалять себя физически. А еще пришлось ему подрабатывать на городских базах.

В 55-м Павлов окончил институт, получив диплом с отличием. Чтобы к жизни подготовиться основательно, женился. Избранницей его стала бухгалтер одной из городских организаций обаятельная Марина Борисовна. По годам она значительно моложе своего Ивана. А вот сейчас, по-моему, жизнь их выровняла.

Направили Павлова в третий листопрокатный. Цех строился. Случай для специалиста благоприятный. Все можно основательно посмотреть, прощупать — от первого болта до основного агрегата. Как никогда на комбинате, коллектив цеха подбирался очень тщательно. На рабочие места приходили выпускники ПТУ со средним образованием. Много тогда пришло уволившихся в запас офицеров. Лучшие кадры прокатчиков были направлены сюда из других цехов. Словом, в ЛПЦ-3 собиралась элита.

Иван Михайлович прошел практику вальцовщиком в ЛПЦ-2. В своем цехе назначили мастером прокатного отделения.

— Набирался я опыта, — вспоминает Павлов, — у хороших людей, самородков в своем деле. Старший мастер Евгений Васильевич Шубин, старший вальцовщик Василий Федорович Усенко учили блюсти технологию, работать с людьми. Шубин, например, говорил: «В каждом работнике 98-99 процентов хорошего. Надо раскрыть это в человеке».

В октябре 56-го ЛПЦ-3 выдал первый рулон жести, как раз в бригаде мастера Павлова. Шумихи большой не было. Правда, директор Воронов со своей свитой был. Тепло всех поздравил...

Круто начинал свою карьеру Иван Михайлович: мастер, старший мастер, начальник смены. Работал творчески, имеет четыре авторских свидетельства. В коллективе — на хорошем счету, зарплата — что надо. Однажды вместе с начальником цеха Дмитрием Прохоровичем Галкиным пригласили в партер. Стали уговаривать на должность секретаря партийной организации ЛПЦ-3. В цехе 300 коммунистов — глыба! Не почетно ли быть вожаком? Отказался Иван Михайлович. Поташили в горком. Здесь не деликатничали. Секретарь горкома Дмитриев был немногословен:

— Что, хотите себе биографию испортить? Мы вам в этом можем помочь.

Согласился на секретарскую должность Павлов. И совсем не потому, что побоялся угроз хозяйина города. Дело, которому нужно служить, он знал. Да и неловко было дальше отказываться, ведь коллектив хороший и свой в доску.

Шесть лет отработал партийным секретарем Иван Михайлович. Его опыт работы глубоко изучен и распространен не только на комбинате, но и в городе. Ныне многие не прочь побольше колнуть бывшего парторга за какие-то привилегии и услуги. Но когда Павлов принес домой первую секретарскую получку, супруга заплакала.

— За что же, Ваня, тебя так наказали?

А Ваня улыбается: «Зато, дорогая, я в цехе второе лицо после начальника. А то, что зарплата моя в пять раз меньше, — профиль работы у нас разный».

До пенсии Иван Михайлович добывал в отделе главного прокатчика по упрочению и благополучию валков. Часто бывал в командировках за рубежом. В 85-м был в Берлине. Постоял у Берлинской стены, посмотрел на рейхстаг. Хотел глянуть: сохранилась ли его надпись сорок пятого. Часовой не пустил.

Не может Павлов без людей, без коллектива. Сейчас он бескорыстно служит пожилым людям в Совете ветеранов комбината.

Спасибо тебе, солдат Отечественной, за священную Победу, за верное служение отечеству и людям!

Долгого и счастливого пути по жизни вам, Иван Михайлович и Марина Борисовна!

М. ГОРШКОВ,
член Союза журналистов
России.